

Евгений Триморук
Маленький волшебник

Рассказ



Евгений Триморук

Маленький волшебник. Рассказ

«Издательские решения»

Триморук Е.

Маленький волшебник. Рассказ / Е. Триморук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909766-8

«Маленький волшебник» является той лирической прозой, которая набрасывает на реальный мир покров сказочности. Но никакое волшебство не длится безнаказанно.

ISBN 978-5-44-909766-8

© Триморук Е.
© Издательские решения

Содержание

Маленький волшебник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Маленький волшебник

Рассказ

Евгений Триморук

© Евгений Триморук, 2019

ISBN 978-5-4490-9766-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленький волшебник

Рассказ

– Мама, я маленький волшебник, я кроткий принц! Запоздающий, последний дофин, выбежавший на избитую лестницу, поросшую бурьяном и сорняком в поисках заветного беличьего башмачка. Я нахожу старые, поношенные туфельки, застрявшие в широкой трещине ступенек, ведущих вниз. Но мне уже не догнать ни тыквенной кареты, ни крысиных хвостов, которые разбегаются, расползаются длинными полосами в разные стороны от разбитой, плесневеющей тыквы. Мне не догнать, не долететь – я из другого измерения, из потусторонней вселенной, из туманного запределья! Я могу только присесть на прогнившие временем ступени и заплакать, как и ты, когда уж за полночь, не посмела сбежать, быть найденной, быть украденной, а ждала на развалинах старой сказки.

Я – внук фей и колдунов, я – правнук тихих богов, я – их наследство, их гордость и напоминание о том, что их больше нет, что они ушли в никуда, о котором догадываются, но никто не ведает. Списки их имен сожжены, а храмы разрушены; и я, словно хранитель заброшенного замка, забытых легенд и древних сказок, ухожу в глубины темных троп лабиринта, где еще сохранился последний свиток изначального света и тени, мысли и забвения, фантазии и пустоты. Но слишком разные переводы... Боги вложили в человека больше, чем того желали, больше, чем того заслуживает человек, поэтому и расплачиваются утратой памяти о себе.

Вновь и снова я чувствую себя побитым и изношенным; что же так ноет, что не позволяет мне встать не то что во весь рост, но хотя бы немного? Пронзает, режет песок, затвердевший в мелкое стекло, словно я состарился в одно мгновение, словно мне не к чему больше стремиться. Я должен подняться над вершинами старого милого мира... Какая мучительно-прекрасная жизнь! Как же мне больно, мама! Избавь меня от тяжелых (стального цвета) побоев, замажь потёки и синяки – они такие грубые и жестокие, в них столько слабости и безнадежности, страха и отчуждения. Нет, я не боюсь их бледного цвета – они мешают мне двигаться дальше. Синий сплав свинца в голове, холодный металл ужаса от сознания своей незащитности, твоей беспомощности, мама! Сможешь ли ты простить?..

Взлет над миром сопричастен со смертью, которую невозможно принять.

...

Тяжелый, немного слащавый запах лекарства и хлорки смешивался с ароматом глажки вощеного постельного белья и ритмическим звуком стиральной машины. Казенные чистые под одеяльнички, наволочки, простыни с выцветшими узорами, в цветочек, в горошек, в полоску, словно все кругом домашнее, аккуратно лежали на полках прачечной в детсаде №13, именуемое «Одуванчик».

Лежишь и вдыхаешь назойливую, привычную свежесть чистых одеял, пропитанные сотнями, тысячами испарений жизни, множеством простуженных и заразных, немощных и симулянтов, казарменных и новорожденных. Они крутились, вертелись в полусиних тонах тряпок, они выздоравливали и умирали – и все проходило через мягкие, теплые, нежные, почти составившиеся руки матери.

Шум бегущей воды, равномерное шелканье центрифуги из одной стороны в другую, под звук которого забываешься: непонятное состояние; тепло сушилки – и вокруг, везде, спокойное, ровное дыхание матери, уверенные, неторопливые шаги; как сумеречная мелодия природы, как предраассветная прохлада утра, влетает в тебя ее мягкий голос.

Я сотни лет смотрел, как крутится, шелкая один-два раза, барабан стиральной машины то в одну, то в другую сторону.

Дряхлеющая плоть вздремнула за гладильным столом; дородная женщина бежит на рынок; молодка – на свидание, пьяные старухи – к начальству за грамотой, а мать, не спеша, изредка что-то напевая, разглаживает белые ткани для сотен жизней в яслях и в группах; сотен будущих властителей и мирян, преступников и судей, учителей и пекарей, поваров и артистов, банкиров и нищих – все для них, сегодня таких маленьких и родных, а завтра больших и далеких.

Она сдерживает слезы, она старается скрыть слабость, напуская на себя веселый вид; она силится не выплеснуть, сохранить все в себе от посторонних глаз, не пытаясь влезть в душу случайным прохожим или недавним знакомым, или сослуживцам, чтобы пожалели ее взрослую жизнь. Она не старается втиснуть свой мир в их сочувствие к не сладкой судьбе других, таких же, как она.

...

– Тебя покрывают ссадины и синяки от побоев; тебя окружают усталые женщины, получающие за твой труд медали; тебя ревнует хронический алкоголик-муж, принесший домой седьмую часть зарплаты; тебя обсуждают пропившие, прогулявшие свою молодость соседки, а в колыбели ноет поздний младенец. Гордость или досаду принесет он, жизнь или смерть, отраду и утешение или стыд и горечь?

Тебе не исполнилось и тридцати пяти, когда поставили устрашающий диагноз для любой молодой матери. Тебе рекомендовали повитух и знахарей. Обещали целебные снадобья и приправы. Угрожали тяжелой операцией.

– Только рожать, – отрезал сухой, безликий и безымянный доктор.

Ты белила потолок, когда свекровь заявила, уж не поздно ли?

– Вас хочу догнать, – в такт кисти промолвила ты.

Теперь он в коляске пьян от запаха влажного белья. Он опьянеет от одного стакана вина в тринадцать лет. Он парит над тобою, когда его синее тело холодеет под теплым одеялом твоих рук в больничной, выкрашенной почему-то в синий цвет палате. Он заболит диатезом на четвертый день после рождения. Ничего соленого или сладкого. Ни овощей, ни фруктов. Ни цитрусовых, ни мороженого. В четыре года у него обнаружится воспаление легких. В шесть, благодаря открытому настежь незастекленному балкону (какой жар мучил хмельного отца), обострение перешло в хроническую астму.

Я проношу синею тенью над твоей измученной жизнью, синим туманом накрываю твое уставшее лицо. Ты – дочь верховного божества, праотца первых неписанных природных законов. Ты его маленькая отрада и услада, и он ждет тебя, не в силах даровать земное утешение кроме болезненного младенца в люльке, кроме меня до времени воспарившего в неизвестность, и раньше повывавшего своего предка. Ты наизусть читаешь его законы, которым тебя не учили, и по ним живешь, никому не причиняя вреда, не становясь ни у кого на пути. Но, видимо, законы слишком давно установлены – устарели, забыты, искажены, изворочены – их прописи смыты временем и грубыми руками людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.